

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 1, pp. 153–162, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 325.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-153-162

Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы

Алексей Викторович Михалев¹

¹ Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Россия)

доктор политических наук, директор центра

 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Михалев А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу русских мест памяти в современном Харбине. *Цели и задачи.* В ходе исследования мы пытаемся найти ответ на вопрос: возможен ли мемориальный консенсус относительно русского наследия в Китае? Под мемориальным консенсусом мы понимаем определенное формальное или неформальное соглашение между государствами или внутри общества по поводу принятия или непринятия символов прошлого, а также интерпретации исторических событий. Мемориальный консенсус обеспечивает бесконфликтное отношение к местам памяти и к их использованию в ритуальных целях. Более того, это соглашение регламентирует то, каким образом наиболее приемлемо для всех сторон могут использоваться те или иные мемориалы или памятные даты, связанные с общей историей. Актуальность исследования обусловлена сложившейся в современном мире ситуацией войны с памятниками. В этой связи интересен китайский опыт формирования модели принятия общего прошлого. *Методы и материалы.* Методологически работа выполнена в формате *memory studies*. Мы опираемся на понятия «места памяти» и «культурная память», применяя их к эмпирическим материалам Хэйлунцзяна. В центре внимания — топонимы, памятники, кладбище, музейные экспозиции, памятники архитектуры, в том числе православные храмы. Речь идет не только о памятниках русской эмиграции первой волны, но и о более поздних советских мемориалах. Источниками послужили топографические данные, визуальные материалы, сведения справочников по историко-культурному ландшафту, исторические работы. *Дискуссии.* Дисциплинарная принадлежность данного исследования лежит в плоскости, в которой пересекаются исторические, политологические, социологические и культурологические подходы. *Результаты.* В итоге мы приходим к выводу о том, что в Харбине сформировался мемориальный консенсус по поводу «русского прошлого», опирающийся на востребованность туристического образа города. Это стало возможным на фоне бурного развития внутреннего туризма в КНР. Важную роль в обретении мемориального консенсуса сыграл постоянный диалог между лидерами двух стран. В ходе исследования выделено три периода, когда взаимоот-

ношения между главами государств положительно влияли на политику в отношении прошлого. Первый период — это время союза И. В. Сталина и Мао Цзэдуна, второй период — диалог между Б. Н. Ельциным и Цзянь Цзэминем, а третий — тандем В. В. Путина и Си Цзиньпина.

Ключевые слова: места памяти, политика, памятники, забвение, русская диаспора, Внутренняя Азия, политика памяти, музей

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Русский мир Внутренней Азии в XXI веке: политика памяти и символическое наследие политического присутствия» (№ 22-28-01087).

Для цитирования: Михалев А. В. Русские места памяти в современном Харбине: имперские смыслы и советские символы // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 153–162. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-153-162

Russian Places of Memory in Contemporary Harbin: Imperial Meanings and Soviet Symbols

Alexey V. Mikhalev¹

¹ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Sciences), Director of Centre

 0000-0001-7069-2338. E-mail: mihalew80[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Mikhalev A. V., 2023

Abstract. Introduction. The study analyzes Russian places of memory in contemporary Harbin. **Goals.** The paper seeks to answer the question if a memorial consensus regarding the Russian heritage in China is possible, the term ‘memorial consensus’ as such denote a certain formal or informal agreement — between governments or within the community — whether to accept or reject certain symbols of the past, and how to interpret the historical events. That would guarantee conflict-free attitudes to places of memory and their due use for ritual purposes. Moreover, such an agreement regulates how certain memorials or memorable dates associated with a common history may be used in a way most acceptable to all the parties. And the present-day war on monuments around the world makes the study timely enough. In this regard, the Chinese experiences of forming a model for accepting a common past are of essential interest. **Materials and methods.** Methodologically, the work clusters with *memory studies*. The paper relies on the concepts ‘places of memory’ and ‘cultural memory’ to apply them to empirical materials of Heilongjiang and focus on toponyms, monuments, cemetery, museum exhibitions, architectural monuments, including Orthodox Christian churches. The discussion shall comprise not only monuments associated with White Russian émigrés but also later Soviet memorials. The paper investigates topographic data, visual materials, reference books dealing with historical and cultural landscapes, and historical works. **Discussion.** In terms of academic disciplines, the study involves historical, political science, sociological, and cultural approaches. This makes it possible to combine the analysis of the position of memorial objects with political changes in the region. **Results.** The work shows that a memorial consensus about the ‘Russian past’ has been formed in Harbin to meet tourist needs within the city’s image. This has been facilitated by the rapid development of domestic tourism in China. An important role in finding a memorial consensus was played by the constant dialogue between leaders of the two countries. The study identifies a total of three periods when relationships between national leaders had positive impacts on the policy towards the past. The first period is the time of the union between I. V. Stalin and Mao Zedong, the second period is the dialogue between B. N. Yeltsin and Jiang Zemin, and the third one is the tandem of V. V. Putin and Xi Jinping.

Keywords: memory space, policy, memorials, oblivion, Russian diaspora, Inner Asia, memory policy, museum

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-28-01087.

For citation: Mikhalev A. V. Russian Places of Memory in Contemporary Harbin: Imperial Meanings and Soviet Symbols. *Oriental Studies*. 2023; 16(1): 153–162. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-153-162

Введение

Харбин — один из крупнейших центров русской эмиграции первой волны. Это наиболее распространенное представление об этом городе, бытующее в России и на постсоветском пространстве в целом. Сегодня этот образ активно эксплуатируется туристической индустрией КНР. Многочисленные «русские» музеи, памятники и храмы представлены вниманию потоку и китайских, и зарубежных туристов. Русское прошлое — отличный пример *usable past*, позволяющего строить внешнеполитический диалог с Россией, не вступая в сложные перипетии войн памяти.

Поэтому основной задачей данного исследования стал анализ трансформации мемориального пространства бывшего русского сэттльмента в Харбине. Важно проследить то, каким образом стала возможна коммодификация мест памяти в XXI в. Мы рассматриваем переход от политизации мест памяти к их коммерциализации (коммодификации). Не менее значимо понять, что из себя представляет мемориальный консенсус России и КНР в отношении общего прошлого. Ведь именно он позволяет существовать проекту туристического Харбина с его почти лубочным прошлым на продажу. Несомненно, этот консенсус основан на забвении и преодолении травматических сюжетов в истории города. Трансформация мемориального пространства Харбина рассматривается нами с 1945 г. (с момента разгрома Японии) и до так называемой эпохи Си Цзиньпина. Именно в этот период Харбин из русского сэттльмента в Маньчжурии трансформировался в десятиmillionную столицу региона Хэйлунцзян.

Современный Харбин напоминает о русском прошлом только на уровне нескольких десятков мемориальных и архитектурных объектов. Небоскребы, метро, аэропорт, скоростные поезда — вот то, что определяет сегодня облик города. Соответственно, наше исследование касается лишь одной из многочисленных составляющих

мемориального пространства этого города, которое представляет собой многообразие самых разных сюжетных линий прошлого. Русские места памяти интересны тем, что на современном этапе они стали важным фактором в системе двусторонних отношений между КНР и Россией.

Итак, в центре внимания — места памяти в том смысле, в котором их понимал Пьер Нора: «Места памяти — это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие. Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [Нора 1999: 28].

Для представленной статьи большое значение имеют российские работы, посвященные памяти в КНР, среди авторов необходимо упомянуть Д. А. Аникина [Аникин 2013], О. Н. Борох и А. В. Ломанова [Борох, Ломанов 2009], И. Ю. Зуенко [Зуенко 2019], Б. Г. Доронина [Доронин 2016], Л. В. Кураса [Курас 2016], И. О. Пешкова [Peshkov 2017], Б. О. Хубрикова [Хубриков 2020].

Отдельного внимания заслуживает книга Н. П. Крадина [Крадин 2001], посвященная русскому Харбину, однако эта работа носит историко-архитектурный характер. Большая же часть исследований памяти в КНР посвящена собственно китайской тематике, в то время как память о русских в современной КНР остается малоизученной. Несомненно, существует большой спектр исторических текстов, посвященных прошлому русских общин в Китае, однако

их изучение — вне предметного поля исследований памяти. В данной статье мы говорим не столько о самой памяти, сколько о местах памяти, т. е. о состоянии материальных объектов, представляющих собой историческое наследие русского присутствия.

Дисциплинарная принадлежность данного исследования лежит в плоскости, где пересекаются политологические, антропологические и этнологические подходы. Это делает возможным сочетать анализ мест памяти и политических изменений в регионе [Ефременко, Миллер, Малинова 2018]. Нас интересует формирование идеологических норм, определяющих трансформацию историко-культурного ландшафта. Во многом именно эти нормы позволяют характеризовать вектор двусторонних отношений между Россией и Китаем в новейшее время.

Материалы и методы

Источниковую базу составили визуальные материалы: музейные репрезентации, музейные справочники, картографические описания мест памяти, материалы российских СМИ, а также документы русских национально-культурных организаций в КНР. Их изучение позволило сформировать системное представление о состоянии русских мест памяти в современном Харбине. Важно отметить, что исследование носит пилотный характер и в дальнейшем может быть расширено.

Останки империи и их преобразование

Окончание Второй мировой войны и провозглашение КНР в 1949 г. ознаменовали масштабное расширение социалистического лагеря. Победа коммунистических идей в Китае привела к масштабной трансформации страны во всех сферах: от экономики до культуры. С конца 1940-х гг. по конец 1950-х гг. сотрудничество между СССР и КНР становится наиболее тесным: формируется и укрепляется новый канон политической символики и мемориальной культуры. Харбин в этот период — это русский анклав [Курас 2016: 164–165] с развитым, благодаря белой эмиграции, имперским знаково-символическим пространством, в котором только православных храмов по некоторым оценкам было 26 [Дин 2018: 40].

Характерным символом эпохи империи стал памятник генералу Л. Д. Хорвату, поставленный ему еще при жизни (в 1915 г.) напротив управления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), увенчанный двумя драконами и цитатой из Конфуция на русском и китайском языках: «Умение ладить с соседями — великий дар». Не менее знаковым местом была Гондателька — район, названный в честь последнего имперского губернатора Приамурья Н. Л. Гондатти [Крадин 2001: 73]. Это название также было получено еще при его жизни, после революции этот политический деятель жил здесь, в Харбине. Имя Л. Д. Хорвата тоже найдет свое место в топонимике Харбина, крупнейший проспект этого города был назван в его честь (Хорватский проспект), а сам Харбин неофициально называли «Счастливой Хорватией».

До 1945 г. Харбин был одним из политических и культурных центров борьбы с коммунистическими идеями в Азии, а также одним из центров русского фашизма. Заключение в 1936 г. Антикоминтерновского пакта в Берлине сказалось на мемориальном ландшафте Харбина, так как русские эмигранты приняли участие в боях на Халхин-Голе в 1939 г. В 1941 г., по инициативе Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, был установлен «Памятник героям, павшим в борьбе с Коминтерном» [Смирнов, Буяков 2019: 55]. Идея установки подобного памятника была поддержана японской военной миссией, а денежные средства были собраны за счет пожертвований. Памятник был установлен напротив Никольского собора, а его архитектурное решение было выдержано строго в православном духе. В высоту мемориал достигал 12 метров. Это был мемориал, на тот момент один из крупнейших в мире, посвященный не столько белому движению, сколько борьбе с мировым коммунистическим движением.

Начавшиеся после разгрома в 1945 г. Квантунской армии и ликвидации Маньчжоу-Го перемены были связаны с тем, что Харбин конца 1940-х гг. все еще создавал впечатление города времен империи. Советский генерал комендант Харбина А. В. Скворцов писал: «Я внезапно оказался в прошлом, по улицам раскатывали бородатые извозчики в поддевках, пробегали

стайки смешливых гимназисток, господа приподнимали котелки, здороваясь друг с другом, а попы в черных рясах степенно крестились на купола церквей» (цит. по: [Старосельская 2006: 62]). Более того, наличие на улицах символики Российской империи, а также Маньчжоу-Го вызывало негативную реакцию и у китайских красноармейцев.

Начинается «война с памятниками». Памятник «Героям, павшим в борьбе с Коминтерном» снесли, а на его месте в ноябре 1945 г. был установлен памятник советским воинам. Новая надпись гласила: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость СССР». В этом же году на Привокзальной площади Харбина был поставлен еще один памятник советским солдатам. Хорватский проспект переименовали в Красноармейскую улицу, а памятник генералу Л. Д. Хорвату снесли [Дин 2018: 41]. Это были первые попытки реформативизировать политико-символическое пространство Харбина. Они одновременно символизировали и окончание русского периода в истории города, и конец японского колониального господства [Корнева 2022: 40–44]. Советские памятники манифестировали не только победу коммунистической идеологии, но и установление нового политического порядка в регионе.

Коммунистическая идеология сказывалась непосредственно на мемориальной политике. Именно в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Маньчжурии были установлены наиболее значимые памятники, символизирующие боевое содружество в деле разгрома Японии: в городах Дунинне, Маньчжоули, Муданьцзяне, Цзиси и других. Эта мемориальная деятельность опиралась на союз двух коммунистических вождей И. В. Сталина и Мао Цзэдуна. В 1954 г. в Харбине был открыт парк, названный в честь И. В. Сталина (пиньинь: Sidalin Gongyuan) [Дин 2018]. Его строительство началось в 1953 г., сразу после смерти советского вождя. По первоначальному замыслу этот парк должен был называться Прибрежным, однако почти сразу же был переименован. Это место все еще существует, и здесь по сей день стоит бюст И. В. Сталина.

Советско-китайский мемориальный консенсус в 1950-е гг. базировался прежде всего на идею совместной борьбы с симво-

лами эпохи империализма, а также на наследие союза двух вождей: Мао и Сталина. Наследие этого времени успешно просуществовало до XXI в., благополучно пережив культурную революцию. Этот консенсус позволил сохранить до сегодняшних дней и памятник советским солдатам, и советское кладбище, на котором были похоронены погибшие в боях за освобождение Северного Китая.

Мемориалы и культурная революция

Великая пролетарская культурная революция в КНР 1966–1976 гг., совпавшая с обострением советско-китайских отношений, также оказала влияние на историко-культурный ландшафт Харбина [Бляхер, Бляхер 2022: 152]. Одним из ключевых тезисов преобразований стало высказывание Председателя Мао Цзэдуна: «После того, как китайцы овладели марксизмом-ленинизмом, они духовно перешли из пассивного состояния в активное. С этого момента должна была закончиться та эпоха, когда на мировой арене презирали китайский народ и китайскую культуру» [Усов 2003: 57].

Борьба за создание пролетарской культуры с китайской спецификой во многом основывалась на идее преодоления пережитков феодализма. Эти пережитки едва ли не в наиболее концентрированном виде локализовались на территории бывшего Маньчжоу-Го. Имперские символы и смыслы были целенаправленно заложены в имперской топографии российских городов Азии. Они были прямым продолжением символического пространства Дальнего Востока, освоение которого наиболее емко охарактеризовал А. В. Ремнев: «Территория власти нуждается в своих маркерах, включающих идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковых фигурах исторических региональных деятелей. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах» [Ремнев 2004: 31]. В этом плане Харбин стал важной ареной в борьбе за новую культуру в КНР. Все это происходит на фоне расширения советско-китайского конфликта в военно-политической сфере.

Начинается борьба за изменение облика города. Под ударом оказывается российская

архитектура. По данным китайского исследователя Дин Сяна, было перестроено около половины старых зданий в городе [Дин 2018: 41]. Одной из первых жертв этих преобразований стал Святоиколаевский собор, снесенный в 1967 г. Софийский собор, закрытый еще в 1957 г., в период революционных преобразований стал общежитием для студентов, хотя инициативы снести собор возникали систематически. Вообще было снесено более 20 православных храмов. Борьба с русской архитектурой затронула и светские здания. По мнению хунвейбинов, российские здания были построены в откровенно колониальном стиле. Борьба с наследием эпохи царизма не затронула памятников советским солдатам, поставленным в период существования мемориального консенсуса, хотя перемены все же затронули и облик зданий «сталинского ампира». Большинство из них было украшено крышей в китайском стиле [Дин 2018: 41]. Подобная деколонизация пространства действительно формировала новый образ города, разрывавший связь с предыдущей эпохой иностранного господства.

Что же касается непосредственно мест памяти, то в период преобразований пострадали русские кладбища. Речь идет об Успенском и Покровском кладбищах, на которых была похоронена большая часть представителей русской эмиграции. Рассматривая православные надгробные памятники и посмертные эпитафии как противоречащие новой пролетарской культуре, руководители Харбина приняли решение об их ликвидации. Эмигрантам еще в 1959 г. удалось перенести 1 200 могил на новое кладбище «Желтая гора» (Хуаншань) [Забияко и др. 2015: 42–43]. На этом кладбище похоронены и эмигранты, и советские солдаты, и некоторые дипломаты. Во многом Желтая гора — это продукт культурной революции, смешавшей воедино историю как русского, так и советского присутствия.

Период культурной революции в Харбине стал еще и временем реформирования топонимики. Топонимы или географические названия становятся китайскими. Обилие русских названий, прежде всего в Маньчжурии и в некоторой степени во Внутренней Монголии, являлось продолжением масштабного пространства русской топографии Дальнего Востока. Несомнен-

но, это напоминало о масштабных колониальных проектах империи. Как отмечает И. Ю. Зуенко: «Впервые кампания, направленная на „зачистку“ русскоязычных топонимов, была запущена в 1963 г. в соответствии с совместным документом Министерства внутренних дел КНР и Госуправления картографии „Уведомление о некоторых предложениях по проведению изучения русских географических названий“. Следуя указаниям из Центра, провинциальный Департамент гражданской администрации провел ревизию и выделил 20 русскоязычных топонимов, которые использовались в прошлом, но к настоящему моменту имеют китайское название (в основном, это были улицы г. Харбин, а также острова на р. Амур), и 9 топонимов, которые не имеют китайского названия» [Зуенко 2019: 61]. Это ключевой контекст, позволяющий понять китайскую политику памяти в отношении иностранного присутствия в Маньчжурии. Особенно это касается времени правления Мао Цзэдуна, т. е. периода, когда закладывались основы идеологической доктрины КНР.

На пути к новому мемориальному консенсусу?

Под мемориальным консенсусом мы понимаем определенное формальное или неформальное соглашение между государствами или внутри общества по поводу принятия или непринятия символов прошлого, а также интерпретации исторических событий. Мемориальный консенсус обеспечивает бесконфликтное отношение к местам памяти и к их использованию в ритуальных целях. Более того, это соглашение регламентирует то, каким образом наиболее приемлемо для всех сторон могут использоваться те или иные мемориалы или памятные даты, связанные с общей историей. В этом разделе мы попытаемся восстановить хронологию поисков диалога между Россией, КНР и русской диаспорой на рубеже XX–XXI вв. относительно прошлого русского селтлмента в Харбине.

Поиски путей нормализации советско-китайских отношений начались еще в конце 1970-х гг. К моменту визита Президента СССР М. С. Горбачева в Пекин в 1989 г. диалог между дипломатическими ведомствами двух стран уже был налажен.

Изменение внешнеполитической обстановки сказалось и на положении русских мемориалов в Харбине. В 1986 г. открывается для службы Покровский храм. Именно в нем в 2013 г. проведет богослужение лично патриарх Московский Кирилл. В середине 1980-х гг. началось восстановление православной символики на некоторых могилах русского кладбища на Желтой горе. В 2011 г. были реконструированы мемориалы павшим во время русско-японской войны. Усилия по восстановлению памяти принадлежали представителям диаспоры и последним китайским православным священникам. Большую роль в деле восстановления мемориалов сыграл «Русский клуб» в Шанхае, являющийся едва ли не самым влиятельным русским диаспоральным институтом в Китае [Михалева 2020: 128].

В период с 1994 по 1999 гг. происходят постоянные взаимные визиты лидеров России и КНР — Цзянь Цзэминя и Б. Н. Ельцина. Именно тогда была заложена основа для долговременного сотрудничества между двумя странами. В 1997 г. Харбин посетил Президент РФ Б. Н. Ельцин. В ходе визита он провел встречу с соотечественниками в центральной части этого города. Именно в 1997 г. городскими властями Харбина был отремонтирован Софийский собор — один из основных архитектурных символов русского наследия в Маньчжурии. Собор не был отдан православной церкви, а получил статус архитектурного музея, одного из крупнейших в Хэйлунцзяне. В 2006 г. в здании собора также велись ремонтные работы (установлена подсветка, оформлены выставочные залы), которые обеспечили его трансформацию в важное место памяти. На наш взгляд, в 1990-е гг. память о Харбине была востребована властями России в ее имперском формате и даже с отсылкой к антисоветскому содержанию.

В XXI в. ключевым фактором в деле сохранения историко-культурных памятников стала индустрия внутреннего туризма. Особенно это характерно для эпохи Си Цзиньпина [Хубриков 2020: 66–83]. Активизация внутреннего туризма в КНР приходится на 2013 г., когда был принят новый закон «О туризме». Влияние этой отрасли на развитие Харбина прослеживается в росте количества «русских музеев»: государственных и частных, больших и квартирных. В их

экспозициях представлены как предметы быта русских колонистов, так и предметы антиквариата и произведения искусства, имеющие немалую рыночную стоимость. Внимание привлекают памятники русской архитектуры. Вдоль фасадов таких зданий организована самая большая в Азии пешеходная улица. Подобная коммодификация принципиально меняет содержание мемориального нарратива о Харбине, смешивая белоэмигрантов и советских специалистов в единый образ русского города.

В 2012 г. на кладбище «Желтая гора» начались работы по установке надгробного памятника доктору В. А. Казем-Беку. Усилиями инициативной группы из России, при поддержке русской диаспоры и властей Харбина, памятник был установлен. Это важный символический акт, поскольку роль русских врачей в Азии еще до конца не оценена. Во многом установка этого надгробия характеризует формирование мемориального консенсуса, который приобретет завершённую форму в ближайшее время.

Союз В. В. Путина и Си Цзиньпина положил начало диалогу по поводу русского наследия в Китае. Этот диалог строится на коммодификации русских мемориалов в рамках развития туризма при том, что вне упомянутого тренда остаются антикоммунистические символы и нарративы харбинского прошлого.

По большому счету, начиная с 1980-х гг. в Харбине русское мемориальное пространство формируется заново в антураже сохранившихся архитектурных декораций. Новые «старые» памятники (ставящиеся на месте когда-то существовавших) отсылают уже не к противостоянию белых и красных, а в большей степени к российской идиоме соотечественников. Сюда же можно отнести и концепт Русского мира, в рамках которого зачастую формируются новые современные смыслы для старых мемориальных объектов. При этом советские памятники Харбина, сумевшие пережить культурную революцию, также интегрированы в общую рамку Русского мира. Собственно, вокруг этого всего и строится упомянутый в начале раздела консенсус по поводу памяти. Со своей стороны Россия считает своими и мемориалы эмиграции, и советские памятники, а Китай со своей стороны относится к ним как единому туристическому ком-

плексу. Соответственно, потенциально конфликтные сюжеты вытесняются в пространство забвения.

Заключение

Изучение русских мест памяти в Хэйлунцзяне КНР представляет собой долгосрочную исследовательскую программу. Речь идет о взаимосвязи политики и мемориальных объектов, а зачастую и просто руин. Места памяти публичны и прежде всего поэтому становятся частью политических противостояний в разное время. В этой ситуации обретение мемориального консенсуса — это всего лишь период жизненного цикла мест памяти. Если в 1940–1950-е гг. консенсус касался только памяти о солдатах, исполнивших интернациональный долг, то в XXI в. речь идет о некоей комплексной памяти о русском прошлом города. Памяти сглаженной и унифицированной, в которой символическая «Счастливая Хорватия» смешалась с советским прошлым в виде памятников не только солдатам, но и дипломатам, разведчикам, инженерам КВЖД.

Основной вывод проведенного исследования в том, что мемориальный консенсус в Харбине оказался следствием развития внутреннего туризма в КНР. Прошлое имеет такую же ценность на продажу, как и прошлое для идеологии. Для многих потомков русских харбинцев этот новый вектор в политике КНР открыл возможность для восстановления надгробных памятников, равно как и просто возможность для диалога

с китайскими властями относительно русского наследия. Также важны и институты, сделавшие немало для сохранения памяти, такие как «Русский клуб» в Шанхае и православная церковь. Для них память важна тем, что она поддерживает идентичность и объединяет диаспору.

Роль внешней политики в формировании мемориального консенсуса важна в виде диалога между руководителями стран. С момента образования КНР в 1949 г. такой диалог возникал трижды: между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном, Б. Н. Ельциным и Цзянь Цзэмином и, наконец, между В. В. Путиным и Си Цзиньпином. Именно в это время достигались наиболее значимые компромиссы относительно общего прошлого. Взаимные визиты лидеров стран зачастую предполагали участие в мемориальных мероприятиях. Так, на места памяти Харбина обращалось внимание, вырабатывались политические решения, оказывавшие непосредственное влияние на их состояние.

Подводя итог, нужно сказать и о забвении. Снесенные памятники и даже удаленные топонимические названия, связанные с Л. Д. Хорватом и Н. Л. Гондатти, вряд ли в ближайшее время вернутся в пространство публичной памяти Харбина. Они подвергнуты забвению, и современный консенсус не предполагает их реабилитацию. Речь также идет о памятниках Михаилу Натарову, стоявших в нескольких городах Маньчжурии и снесенных, прежде всего, с подачи советского командования.

Литература

- Аникин 2013 — *Аникин Д. А.* Траектории социальной памяти в глобальном мире: между конфронтацией и конкуренцией (Россия и Китай) // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2013. Т. 155. № 1. С. 7–14.
- Бляхер, Бляхер 2022 — *Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л.* Город в тени империй: жизнь, смерть и послемертвие имперского города Харбина // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики).* 2022. Т. 104. № 1. С. 131–161.
- Борох, Ломанов 2009 — *Борох О. Н., Ломанов А. В.* Китай: возвращение Небесного повеления // *Pro et Contra.* 2009. Т. 13. № 3–4. С. 65–88.
- Дин 2018 — *Дин С.* Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // *Культура и цивилизация.* 2018. Т. 8. № 5А. С. 37–44.
- Доронин 2016 — *Доронин Б. Г.* Китай: историческая память как основа национальной государственности (взгляд китайского историка) // *Диалог со временем.* 2016. № 54. С. 137–149.
- Ефременко, Малинова, Миллер 2018 — *Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И.* Политика памяти и историческая наука // *Российская история.* 2018. № 5. С. 128–140.
- Забяко и др. 2015 — *Забяко А. А., Забяко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А.* Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 461 с.

- Зуенко 2019 — Зуенко И. Ю. Опыт реконструкции русскоязычной топонимики на территории Китая (в провинции Хэйлунцзян и Внутренняя Монголия) // *Любимый Харбин — город дружбы России и Китая: матлы межд. науч.-практ. конф, посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (г. Харбин, 16–18 июня 2018 г.)*. Владивосток: ВГУЭС, 2019. С. 59–68.
- Корнева 2022 — Корнева Л. В. Музей преступлений отряда № 731 — самый печальный музей в Харбине: впечатления человека и музейоведа // *Преподавание истории в школе*. 2022. № 3. С. 40–44.
- Крадин 2001 — Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск: Изд-во А. Ю. Хворова, 2001. 352 с.
- Курас 2016 — Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // *Гуманитарный вектор*. 2016. Т. 11. № 4. С. 163–173.
- Михалева 2020 — Михалева А. А. Русские клубы в Восточной Азии и актуальное прошлое для соотечественников // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14. № 4. С. 127–137. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-127-137
- Нора 1999 — Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция-память / П. Нора и др.* СПб.: Санкт-Петербургск. ун-т, 1999. С. 17–50.
- Ремнев 2004 — Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: ОмГУ, 2004. 552 с.
- Смирнов, Буяков 2019 — Смирнов С. В., Буяков А. М. Михаил Натаров — русский «герой» Халхин-Гола // *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. № 1. С. 54–65.
- Старосельская 2006 — Старосельская Н. Д. Повседневная жизнь русского Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 384 с.
- Усов 2003 — Усов В. Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М.: Ин-т Дальнего Востока, 2003. 189 с.
- Хубриков 2020 — Хубриков Б. О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина // *Новое прошлое*. 2020. № 1. С. 66–83.
- Peshkov 2017 — Peshkov I. In the shadow of ‘frontier disloyalty’ at Russia–China–Mongolia border zones // *History and anthropology*. Vol. 28. 2017. Pp. 429–444.

References

- Anikin D. A. Trajectories of social memory in the global world: Between confrontation and competition (Russia and China). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)*. 2013. Vol. 155. No. 1. Pp. 7–14. (In Russ.)
- Bliakher L. E., Bliakher M. L. A city in the shadow of empires: Life, death and afterlife of the imperial city of Harbin. *Politeia*. 2022. Vol. 104. No. 1. Pp. 131–161. (In Russ.)
- Borokh O. N., Lomanov A. V. China: A return of the Mandate of Heaven. *Pro et Contra*. 2009. Vol. 13. No. 3–4. Pp. 65–88. (In Russ.)
- Ding X. Monuments of Russian architecture and culture in Harbin. *Culture and Civilization*. 2018. Vol. 8. No. 5A. Pp. 37–44. (In Russ.)
- Doronin B. G. China: Historical memory as the foundation of the national state (A view of a Chinese historian). *Dialogue with Time*. 2016. No. 54. Pp. 137–149. (In Russ.)
- Efremenko D. V., Malinova O. Yu., Miller A. I. Politics of memory and historical science. *Rossiiskaia istoriia*. 2018. No. 5. Pp. 128–140. (In Russ.)
- Khubrikov B. O. Historical politics in the era of Xi Jinping. *The New Past*. 2020. No. 1. Pp. 66–83. (In Russ.)
- Korneva L. V. Detachment № 731 Crime Museum — Harbin’s saddest museum: Impressions of a person and a museum expert. *Prepodavanie istorii v shkole (Teaching History to Schoolchildren)*. 2022. No. 3. Pp. 40–44. (In Russ.)
- Kradin N. P. Harbin — a Russian Atlantis. Khabarovsk: A. Khvorov, 2001. 352 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Russian military-political emigration in Manchukuo (On the materials of the Soviet intelligence). *Humanitarian Vector*. 2016. Vol. 11. No. 4. Pp. 163–173. (In Russ.)
- Mikhaleva A. A. Russian clubs in East Asia and usable past for compatriots. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020. Vol. 14. No. 4. Pp. 127–137. (In Russ.) DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-127-137
- Nora P. The problematics of memory space. In: Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 1999. Pp. 17–50. (In Russ.)
- Peshkov I. In the shadow of ‘frontier disloyalty’ at Russia–China–Mongolia border zones. *History and Anthropology*. 2017. Vol. 28. No. 4. Pp. 429–444. (In Eng.)
- Remnev A. V. Far Eastern Russia: The Imperial Geography of Power, 19th – Early 20th Centuries. Омск: Омск State University, 2004. 552 p. (In Russ.)

- Smirnov S. V., Buyakov A. M. Mikhail Natarov, the Russian “hero” of the Battle of Khalkhyn Gol. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 54–65. (In Russ.)
- Staroselskaya N. D. Everyday Life of Russian China. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 384 p. (In Russ.)
- Usov V. N. People’s Republic of China, 1976–1984: From ‘Cultural Revolution’ to Openness and Reform. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2003. 189 p. (In Russ.)
- Zabiyako A. A., Zabiyako A. P., Levoshko S. S., Khisamutdinov A. A. Russian Harbin: Arranging Life in a Far Eastern Frontier. Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 461 p. (In Russ.)
- Zuenko I. Yu. Russian toponymics in China (Heilongjiang and Inner Mongolia). In: *The Harbin We Love — a City of Russia-China Friendship. Jubilee conference proceedings* (Harbin, 16–18 June 2018). Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service, 2019. Pp. 59–68. (In Russ.)

